

С.Н. Слепухин

Новосибирский государственный университет

**Лингвокультурные предпосылки осмысления правовой реальности
в индоевропейской культуре: демаркация концептуальной
границы в оппозиции «свой vs. чужой»**

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема лингвокультурных предпосылок появления и развития индоевропейской правовой культуры как неотъемлемой части языковой сферы. В качестве одного из главных мотивов концептуализации и организации языковой картины юридической реальности в индоевропейской культуре, рассматривается существование, как в индивидуальном, так и в коллективном человеческом языковом сознании, ментальной границы, упорядочивающей человеческое поведение в соответствии с принципом разделения на «своих» и «чужих».

The present paper deals with the problem of linguocultural premises for the appearance and development of the Indo-European legal culture as an integral part of the linguistic sphere. Considered as one of the main reasons for the conceptualization and organization of linguistic mapping of the legal reality in the Indo-European culture is the existence, both in the individual and in the collective human linguistic consciousness, of a mental boundary, which is ordering the human behavior in line with the principle of distinction between «us» and «them».

Ключевые слова: лингвокультурные предпосылки, языковая картина мира, индоевропейская правовая культура, мир, амбивалентность лексики, ментальная граница.

Linguocultural premises, linguistic world mapping, Indo-European legal culture, world, lexical ambivalence, mental boundary.

УДК: 81-112

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, факультет иностранных языков. E-mail: sergey_legal@mail.ru.

Заявленная проблема индоевропейских лингвокультурных предпосылок концептуализации такого сложного феномена социальной действительности как право может вызвать обоснованный вопрос: какую цель преследовал, или преследует исследователь при выявлении этих предпосылок: доказать общность языковых проявлений смысловой линии, организующей пространство правовой культуры, сводя их к некому историческому типу / историческим типам; либо, руководствуясь выявленными предсмыслами, провести полный сравнительно-исторический анализ специальной ритуально-правовой лексики в индоевропейских языках, реконструировав специфические «правовые» смыслы на уровне праязыкового состояния?

Здесь нужно отметить, что, учитывая теоретико-методологический «вакуум» в исследованиях по данной проблематике, как на стадии постановки проблемы, так и на последующих стадиях ее разработки, на данном этапе постановка вышеприведенных (или подобных им) вопросов может оказаться преждевременной.

Существующие исследования юридического дискурса в индоевропейской культуре, как правило, ограничиваются синхронным анализом особенностей языковой его реализации в различных текстах. Остаются, фактически, полностью не исследованными вопросы, касающиеся:

- историко-генетических мотивов появления и развития правовой культуры как неотъемлемой части языковой сферы;
- реконструкции исторических этапов языковой реализации правовой реальности;
- проявления общеязыковых закономерностей в юридическом дискурсе естественного языка;
- фактически отсутствуют работы, посвященные исследованию базовых юридических понятий как явлений правовой культуры на основе лингвистических данных.

Автором в настоящей статье, применительно к индоевропейской культуре, предпринята попытка приоткрыть «завесу» над первым из перечисленных выше вопросов.

Одним из главных мотивов концептуализации правовых феноменов, ставшим основанием генеральной смысловой линии, которая организует языковую картину мира юридической реальности, является существование, как в индивидуальном, так и в коллективном сознании, ментальной границы, упорядочивающей человеческое поведение в соответствии с принципом разделения на «своих» и «чужих».

Ю.С. Степанов отмечает, что противопоставление «свой vs. чужой» «в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, национального мироощущения» [Степанов, 2004, с. 126].

На уровне языкового проявления в индоевропейской культуре это смысловое противопоставление образует дифференцированное множество групп денотативной (предметной) и сигнификативной (понятийной) лексики, характеризующихся, как правило, генетическим родством. Семантическая реконструкция этих групп требует выявления общих смыслов, как в предметной, так и в понятийной лексике, а также на уровне материальной культуры, явленной в значении вещей, образующих вместе с названной лексикой «концептуализированную область», то есть «предметно-понятийную область, выражающую одну базовую семантему» [Проскурин, 1990, с. 9].

Представляется, что историческим базисом языковой основы правового поведения в индоевропейской культуре является биологическая потребность человека в адаптации к окружающей его среде, которая, в частности, реализуется в форме целесообразного конвенционального стереотипного поведения членов социума, к которому этот человек принадлежит, то есть в форме ритуалов.

Ритуал является элементом негенетической памяти социума, способом формирования, хранения, трансляции и воспроизводства социально значимых ценностей, вокруг которого этот социум и образуется. Язык по отношению к ритуалу выполняет, главным образом, две функции: во-первых, описание ритуального поведения в дискриптивах; во-вторых, реализация ритуального поведения посредством стереотипных перформативных актов.

Ю.М. Плюсниным было показано, что если стереотип становится частью системы воспроизводства социальных ценностей, он начинает выполнять социорегулятивную функцию, в которой реализуются стратегии и сценарии поддержания социального единства сообщества. При этом, «непосредственным механизмом социорегулятивной подсистемы является институционализация – установление правил действий, норм, упорядочение поведения, регламентация. Достигается это с помощью ритуалов» [Плюснин, 1989].

Отечественный исследователь, Ю.В. Монич, главной функцией ритуального поведения называет структурирование и воспроизводство носителем ритуала своего жизненного пространства: «Как на биологическом, так и на культурном уровне ритуал предстает в качестве инструмента, посредством которого его носитель создает, структурирует и поддерживает (обороняет) свое жизненное пространство, “космос”. То есть одна из важнейших функций ритуала может быть охарактеризована как регулирующая, или упорядочивающая. Результирующим продуктом этой функции является граница “своего” мира (линия обороны), находящаяся в человеческой культуре различные воплощения, что в языковых актах отражается главным образом в виде “ограды”» [Монич, 2001, с. 191–192].

Далее Ю.В. Монич отмечает, что в лексике «на более высоких ступенях ритуализации появляются особые коннотации». Возникающий при такой дифференциации значений тип связей исследователь характеризует как «ритуальный акт – его социально значимый результат», приводя в качестве примера семантический ряд: англ. *ban* ‘запрет, проклятие, анафема’, *banner* ‘знамя, стяг’, *banns* ‘оглашение имен вступающих в брак’, нем. *Bann* ‘изгнание, объявление вне закона; обаяние, чары’, *Banner* ‘знамя’ [Монич, 2001, с. 199].

Смысловые связи этих слов свидетельствуют о том, что обозначаемое ими символическое вербально-ритуальное действие изначально относилось к семантическому полю древних перформативов, которые заместили соответствующие физические действия (например, физическое преследование бегущего при изгнании), став условными комплексными знаками. Об этом, в частности, может свидетельствовать генетическое родство с протогерманской формой **bannan* ‘проводить, приказывать, запрещать’.

При этом Ю.В. Монич тонко замечает, что данным лексемам присуща *амбивалентность значения*, причем последнее изменяется в зависимости от социального положения участников того или иного коммуникативного акта: «Бесспорно, как знамя, так и вербальный акт являются яркими фигурами на общем фоне, но во что выльется вербальный акт – в проклятие-атаку или в торжественное провозглашение, – уже прямо зависит от социального положения адресата (“свой”, “враг” или “преступник”). Таким образом, интерпретация здесь прямо зависит от типа социальных отношений между коммуникантами» [Монич, 2001, с. 199–200].

В качестве другого примера можно привести лат. *sacer* ‘священный, святой’, ‘магический, таинственный’, но в то же время ‘преданный в жертву богам’, ‘преданный проклятию’. Аналогичные семантические отношения обнаруживаются в русск. диал. *хаять* ‘заботиться’ и *хаять* ‘ругаться, осуждать’ (ср. с др.-в.-н. *swerian* ‘клясться, говорить определенно’, *sváratí* ‘звучит, раздается; воспевает, восхваляет; сияет’, *svargá-* ‘небо’, *svaráyati* ‘придирается, ругает, порицает, воспевает, восхваляет’, русск. *свара* ‘ссора, вражда’, словен. *svariti* ‘порицать, предостерегать’).

Существование такой ритуализованной лексики, которая, может употребляться в двух не синонимичных, разных по смыслу значениях дает возможность говорить о существовании некой когнитивной границы, относительно которой эта лексика располагается в двух разных семантических зонах. Мотивами ее появления, по-видимому, являются, с одной стороны, стремление той или иной группы оградить себя от внешних угроз, с другой стороны – потребность консолидации этой группы как единого целого.

Таким образом, граница, в соответствие с которой отдельный человек или группа определяют свое жизненное пространство, является, по удачному выражению Ю.В. Монича, их «контуром взаимодействия» [Монич, 2000] с внешней средой.

Пожалуй, наиболее ярко эта ментальная граница явлена в одной из наиболее устойчивых констант индоевропейской культуры в сфере осмысления человеком

внешнего мира – в понимании мира как огороженного упорядоченного пространства, в котором живут «свои».

Основной компонент значения и.-е. концепта «Мир» – «мир как огороженное упорядоченное пространство «своих» последовательно прослеживается на материале:

1. *Индо-арийских языков*: скр. *lokā* (муж. р.) ‘место, свободное пространство, простор’, ‘край, страна’ (ср. с лат. *lūcus* муж. р. ‘лес, роща’, литов. *laiūkas*) [Степанов, 2005, с. 92]; др.-инд. *vrjāna* ‘ограда, граница; область; община, население, народ’ [Монич, 2001, с. 199–200].

2. *Древнегреческого языка*: *κόσμος* ‘порядок мира’, ‘построение’, ‘хорошо, красиво устроенное’ от и.-е. **k^hens-* ‘торжественно провозгласить’, ‘предписать’, ‘объявлять’ [Иванов, Гамкрелидзе, т. 2, 1984, с. 804]; *οἰκουμένη* букв. ‘обитаемая, населенная’, то есть ‘обитаемый мир’, ‘греческий мир’ [Степанов, 2005, с. 92].

3. *Латинского языка*: 1) *mundus* = др.-греч. *κόσμος* ‘мироздание’; 2) «яма для сакральных жертвоприношений», вырытая Ромулом при основании им Рима [Степанов, 2005, с. 94–95]. Далее, Ромул с помощью плуга очертил границы города.

Э. Эванджелисти убедительно показал, что лат. *mundus* связано по происхождению с др.-инд. *mandwdala* ‘шар, магический круг, карта Вселенной’, которое восходит к и.-е. основе **mondo-* [Evangelisti, 1969]. Ю.С. Степанов отмечает, что в древнейших представлениях мандала имела вид круга, в который вписан крест, или же круга, поделенного на четыре равные части радиусами. Пересечение этих прямых линий в центре как раз и символизировало сам «центр мира» [Степанов, 2005, с. 95–96].

4. *Древнегерманских языков*: общегерманское **midjan-gardas* букв. ‘срединное огороженное место’ или ‘середина огороженного места’; гот. **midjun-gards*, др.-англ. *middan-geard*, др.-исл. *mið-garðr*, др.-в.-нем. *mitti-gar(t)*: «здесь мир понимается как “пространство, где живут люди, ограниченное от внешнего пространства”» [Степанов, 2005, с. 92]; *geard* – ‘ограда’, ‘страна’, ‘мир’ (ср. др.-англ. *frithgeard* ‘зона мира’, от *freo* ‘свободный’ и *geard* ‘огороженное место’ ... ср. *geardlic-mundane* – ‘мировой’) [Проскурин, 1990, с. 15].

5. *Древнерусского и русского языков*: Ю.С. Степанов отмечает, что в древнерусском языке соответствующее понятие концептуализируется как «обжитое пространство» и выражается словом *миръ*, которым также выражается понятие «согласие, покой, отсутствие вражды» (ср. *миръ* ‘община’). Основным семантическим компонентом этого концепта является «место, притом, собственно, не всякое место, а место на земле, вокруг нас» [Степанов, 2005, с. 87–89]:

от и.-е. корня **mei-* ‘укреплять’, **moi-ro-* ‘деревянная постройка’; др.-рус. *мѣсто* из **mōit-to* в первоначальном значении – ‘укрепленное и освященное место’ [Pokorny, 1959, р. 709–712; Черных, 1993, с. 526]); чеш. *město* ‘место; исконно огороженное поселение с охраняемыми воротами’, *místo* ‘место, деревня; селение’.

Исследования Э. Бенвениста показали, что по данным индоевропейских языков, первоначальным семантическим дифференцирующим признаком оппозиции «свой-чужой», является «кровное родство» группы людей, в которой человек определяется как «свободный» (=«свободный от (по) рождения (-ю)») в противоположность «чужим», т.е. «другим, врагам, рабам» (см. *и.е. корень *gēn-// *gñē // *gñō* [Бенвенист, 1995, с. 209], *и.е. корни: *leudh-* ‘взрасти’ [Там же, с. 213–214], [Степанов, 2005, с. 126], *sue-// *suo-* [Степанов, 2005, с. 136–137], *и.-е. корень *pri-, *priyos* [Бенвенист, 1974, с. 137].

Далее, Э. Бенвенист показал, что изначальная идея права в индоевропейской культуре связана с представлением о мире как об организованном, упорядоченном пространстве (космосе), подчиняющимся определенным законам и правилам: реконструкция лат. *ius* через авест. *yaos* ‘очищение’, *yaosdati*, букв. ‘устанавли-

вать *yaos*’ – «состояние/положение вещей, которое нужно достичь» (*iustus* ‘справедливый, законный, правильный’, *iustae nuptiae* ‘законный брак’, *iusta uxor* ‘законная супруга’). Достичь этого состояния можно только проговариванием правовых формул в строгих ритуалах, или сакральных перформативов: реконструкция лат. *ius* через вед. *yoh* ‘благосостояние, процветание’ – «формула, которую нужно изречь (*dicere*)» (с проговоариванием права связана, фактически, вся терминология юридической деятельности в древнеримской традиции: *ius dicere*, *iudex*, *iudicare*, *iudicium*, *iuris-dictio*).

Познание и применение этих правил напрямую связывалось с истолкованием и исполнением божественной воли, явленной жрецам в результате ритуалов. Возможность ритуального установления правового порядка в определенном социальном пространстве лицом, знающим волю богов, концептуализируется в и.-е. **rēg-* (и его производных: скр. *rāj-*, *rēx*, *rēgis*, ирл. *ri-*, *-rix*., а так-же др.-греч. *ῥέγω*) как сакральный акт «огораживания» верховным жрецом пространства, путем очерчивания его границ прямыми линиями. Мир «своих» – это мир, «огражденный» и упорядоченный «правом» (космос), в отличие от хаоса «чужих», находящегося за пределами «границы» (ср. готское слово *sibja*, которое означает одновременно и «родство» и «законность», откуда прилагательное **unsibjis* «не соблюдающий законов» [Степанов, 2004, с. 138]).

Единство и консолидацию сообщества (постуляцию границы) обеспечивает клятва, которая реализуется в сакральных перформативных актах. Она же обеспечивает защитную функцию: др.-греч. *ῥρχος* ‘клятва’ и *ἔρχος* ‘ограда’, лат. *ius iurandum* – клятва народа перед богами на верность исполнения принимаемого закона под страхом изгнания за пределы границы «своих» (в латинском юридическом дискурсе проявлялось в санкции-перформативе *sacer esto*; также соответствует семантике русской оппозиции ‘закон (от и.-е. **kon*. ‘предел’) – преступление’).

В таких сакральных перформативных актах как «клятва», *regere fines*, провозглашение права (*ita ius esto*), «изгнание за пределы общины» (*sacer esto*), estipуляция и др. устанавливается социальная «граница» с амбивалентной функцией – защищать и объединять. Именно в социально-правовых перформативах создается космос как порядок и права как «ключ» к этому порядку. Постоянная реализация этих перформативных актов порождает стереотипность их восприятия и применения. С постепенной утратой соответствующих религиозных ценностей ритуал перестает осознаваться и переживаться как «ключ к космосу», становясь лишь конвенциональной процедурой, строгое соблюдение которой превращается в условный символ, который гарантирует достижение социального эффекта.

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Гамкрелидзе Т.Д., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
Монич Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. 2000. № 6.
Монич Ю.В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.
Плюснин Ю.М. // Поведение животных и человека: сходство и различия. Пущино, 1989. С. 89–106.
Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1990.

- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. I.
- Evangelisti E. Una congruenza lessicale latino-indiana (a proposito del mundus sotteraneo) // Studi linguistici in onore di Vittore Pisani. Paideia: Brescia, 1969. Vol. 2. P. 347–366.
- Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Woerterbuch. Bern, 1959.